

21 марта — Международный день поэзии. Празднуется — посредством вечеров авангардистов и начинающих — уже пятый год.

Похоже, в России День поэзии начали отмечать как раз тогда, когда интерес к ней резко упал (даже ежегодный альманах с аналогичным названием не издается). И все-таки, как сказал Маяковский, эта «пресловутейшая штука» — существует, и ни в зуб ногой!

Другое дело, добраться до нее, истинной, некомпетентному читателю сейчас как никогда трудно. Стоит зайти в любой большой книжный магазин — разлитое море стихотворных сборников. Как их? И откровенно графоманских. И совсем ученических, где, по Пушкину, «охота есть, да мало мозгу».

— Я читаю вас всю жизнь, с 1962-го, когда вышло «Первое впечатление». Это уже больше сорока лет — дистанция огромного размера...

— Есть поэты романтического склада, рассчитанные на короткую жизнь. Они торопятся, они реализуют свои жизненные возможности замечательно быстро — поэты байроновского, лермонтовского типа... Есть другие: Гете, Тютчев, Фет, Пастернак — поэты без лирического героя, для которых главное — поэтическая мысль, а не персонаж в стихах. Ну а поэтическая мысль — как там у Пушкина сказано? — «плывет в небесной чистоте». И, наверное, поэтому все так затягивается...

— И себя вы относите к этой второй группе...

— Да. Условно говоря — к типу поэтов «без биографии», которые вполне реализуются за столом, не предъявляют к жизни непомерных требований и не портят с ней отношений окончательно. Кроме того, сейчас вообще изменились переживания возраста, способ его оценки. Не поэтического возраста, а собственно человеческого. Мне 67, в молодости я думал, что такие годы — это глубокая старость. А сейчас — нет. Наверное, виновата цивилизация: человек живет дольше, и старость, сознание старости, приходит позднее.

— Иногда говорят, что некто «родился раньше своего времени»... Или, наоборот, «опоздал родиться» — извест-

и насквозь подражательных (в основном Бродскому). И натушно гонящихся за позапрошлогодней модой ерничества. И «крутых» — а на самом деле штурмующих зады авангарда. Словом, не имеющих к поэзии никакого отношения.

Но, к счастью, есть и другие. И тем выше и бережнее надо ценить немногих настоящих поэтов-современников.

Один из них — несомненно, Александр Кушнер.

Для него стихи — это и способ почувствовать мысль, и инструмент для осознания чувства. Его спокойный и ровный голос тем не менее нельзя ограничить выдуманным когда-то критиками направлением «тихой лирики». Потому прежде всего, что говорит он этим голосом о вещах, которых «тихие» так не касались (цитирую по памяти):

Снег подлетает к ночному окну,
Вьюга дымится,
Как мы с тобой угадали страну,
Где нам родиться.

Дымная, влажная, вьюжная вся,
Давит на плечи,
Но и представить другую нельзя
Шубу полегче.

Кстати, и вполне «эстрадный» успех Кушнера я видел собственными глазами на многих поэтических вечерах — громкий голос для этого необязателен.

Но главное: вот уже сорок лет с лихим Александр Семенович оберегает честь и достоинство одной Прекрасной Дамы — Поэзии. Он пишет много, но никогда не позволяет себе пусто- или многословия, не впадает в грех простоты, которая хуже воров-

ства, или кокетливой переусложненности. Он продолжает классическую традицию и в то же время всегда узнаваем — буквально по двум строчкам. Может быть, потому что равен самому себе. Этим и интересен.

А последнее, самое тяжелое для русской поэзии десятилетие Кушнер занимается трудным и благородным делом — редактирует (и сам порой добывает деньги на издание) «Библиотеку поэта». Без него она вполне могла бы сгореть...

Вообще во многом благодаря Кушнеру между Москвой и Петербургом, где он живет, все еще нет-нет да и сверкнет вольтовая дуга русской литературы.

Извините за невольный пафос и — слово Александру Кушнеру.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Александр КУШНЕР:

Мне нравятся чужие «мерседесы»

Разговор с поэтом и главным редактором «Библиотеки поэта» — не только о поэзии

ные клише. Тынянов писал в «Смерти Вазир-Мухтара» о людях 1820-х годов, которые переместились в 1830-е и уже ничего там не понимали... А вот вы — чувствуете ли какое-то время в большей степени своим, какое-то — чужим?

— У меня странные отношения со всеми десятилетиями, в том числе и с последними, — я сказал об этом в стихах: «Я не любил шестидесятых, / Семидесятых, никаких, / А только ласточек, вничьюх / Племянниц фетовских, стрелчатых, / И мандельштамовских, слепых...». Всегда было ощущение, что любое время для меня не слишком

родное. И нынешнее — тоже, хотя, пожалуй, я предпочту его другим временам.

Я вижу, как тяжело живут многие люди моего поколения. Мне повезло: я пишу стихи — значит, у меня есть ежедневный смысл существования; а человек, вышедший на пенсию, человек моего возраста, работавший, допустим, в каком-нибудь КБ, — каково ему? Начать с того, что он лишился общей темы для разговора, а она существовала. Были книги, не так много, как теперь, но их читали с упоением, обсуждали — Юрия Трифонова, скажем, или Юрия Домбровс-

кого. Были фильмы, которые все смотрели, хорошие фильмы — хотя бы «Жил певчий дрозд» О. Иоселиани или «20 дней без войны» А. Германа... Да и помимо искусства — уже само противостояние советской власти, пусть даже и бездейственное, хроническое, давало ощущение общности. Было о чем поговорить за столом...

Сейчас этой коллективно проживаемой жизни нет. И живет человек бедно. Раньше он получал 120 рублей пенсии и — жил как все, почти как все. А теперь, если он получает 2000 рублей, равных прежним пятидеся-

ти-шестидесяти, — как ему быть? И приходится удивляться способности нынешней нашей интеллигенции не придавать этому слишком большого значения. Потому что на самом деле так жить нельзя — это издевательство над человеком...

Я говорю о людях моего поколения. Думаю, те, кто моложе, живут значительно лучше, во всяком случае в столичных городах. У меня были стихи: «Мне нравятся чужие «мерседесы», / Я, проходя, люблю их сверканьем, / А то, что в них сидят головорезы, / Так ведь всегда проблемы с мирозданьем / Есть. И не те, так эти неудоб-

ства. / Пожалуй, я предпочитаю эти. / А чувство неудачи и сиротства — / Пусть взрослые в него играют дети...». Так что зависти нет, я понимаю, что полного социального равенства быть не может. Но какой-то минимум должен ведь быть гарантирован.

Прежняя российская бедность стала причиной революционной катастрофы, сегодня такая же угроза возникает снова. Я был, конечно, удручен итогами выборов в Думу, но понимаю, что наши либеральные партии, опиравшиеся на значительную часть интеллигенции, интеллигенцию эту потеря-

***
Когда страна из наших рук
Большая выскользнула вдруг
И разлетелась на куски,
Рыдал державинский басок,
И проходил наисокок
Шрам через пушкинский висок
И вниз, вдоль тютчевской щеки.

Я понял, что произошло:
За весь обман ее и зло,
За слезы, капавшие в суп,
За все, что мучило и жгло...
Но был же заячий тулуп,
Тулупчик, тайное тепло!

Но то была моя страна,
То был мой дом, то был мой сон,
Возлюбленная тишина,
Глагол времен, металла звон,
Святая ночь и небосклон,
И ты, в Элизиум вагон
Летающий в злые времена,
И в огороде бузина,
И дядька в Киеве, и он!

1994

В ФОЙЕ

Я пришел с портфелем и сел в фойе,
На банкетке пристроился — и молчок:
Сладко к струнной прислушиваться струе,
Из-под двери текущей, как сквознячок.

Но служительница, недовольна мной,
Подлетела ко мне, как осенний лист:

Александр КУШНЕР

Но было тайное тепло

Почему я уселся здесь, как больной,
На коленях портфель, вдруг я террорист?

Пригрозила охранником сгоряча,
Пригладелась: при галстукке я, в очках.
Уж не нужно ли вызвать сюда врача?
Страх и строгость светились в ее зрачках.

Мир особенно грустен на склоне дня:
Отмирает обида, сникает честь.
Ах, напрасно боится она меня,
Я как раз бы оставил в нем все как есть.

Раньше так я не думал: «...и вечный бой!».
Но бездельники знают и старики,
Что все лучшее в мире само собой
Происходит, стараниям вопреки.

Даже горе оставил бы, да же зло
Под расчисленным блеском ночных светил.

И к чему бы вмешательство привело?
Музыканта уж точно бы с толку сбил.

2002

***
Считай, что я живу в Константинополе,
Куда бежать с семьей Карамзин
Хотел, когда б цензуру вдруг ухлопали
В стране родных мерзавцев и осин.

Мы так ее пинали, ненавидели,
Была позором нашим и стыдом,
Но вот смели — и что же мы увидели?
Хлев, балаган, сортир, публичный дом.

Топорный кришк с космами патлатыми,
Сосуший кровь поэзии упырь
С безумными, как у гиены, взглядами
Сует под нос свой желтый нашатырь.

И нету лжи, которую б не приняли,
И клеветы, которую б на щип
Не вознесли. Скажи, что тебе в имени
Моем? Оно тоскует и болит.

Куда вы мчитесь, Николай Михайлович,
Детей с женой в карету посадив?
На юг, тайком, без слуг, в Одессу,
за полночь —

И на корабль! — взбешен, чадолюбив.

Гуляют турки, и, как изваяние,
Клубясь, стоит густой шашлычный дым...

Там, под Айя-Софией, нам свидание
Назначил он — и я увижусь с ним.

2002

***
С парохода сойти современности
Хорошо самому до того,
Как по глупости или из ревности
Тебя мальчишки сбросят с него.

Что их ждет еще, вспылчивых мальчишков?
Чем грозит им судьба вдалеке?
Хорошо, говорю, с чемоманчиком
Вниз по сходням сойти налегке.

На канатах, на бочках, на ящиках
Тени вечера чудно лежат,
И прощальная жалость щемящая
Подтолкнет оглянуться назад.

Пароход-то огромный, трехпалубный,
Есть на нем бильярд и буфет,
А гудок его смутный и жалобный:
Ни Толстого, ни Пушкина нет.

Торопливые, неблагодарные?
Пустяки это все, дребедень.
В неземные края заполярные
Полуздесьняя тянется тень.

2003